

РУССКИЙ БЫТОПИСАТЕЛЬНЫЙ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ЮРИЙ ГОЛУБИЦКИЙ

Очерк как жанр отечественной литературы возник еще в XVIII столетии, в XIX в. окончательно оформился в литературном процессе стремительно поднимающегося тогда русского реализма в рамках натуральной школы, и с тех пор стал одним из самых распространенных явлений письменного творчества.

РУССКИЙ ОЧЕРК – ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

В жанре путевого очерка написаны «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина и «Кавказец» М.Ю.Лермонтова. В 40-е гг. его активно используют Даль и Панаев, Григорович и Соллогуб, а также писатели, ставшие впоследствии классиками отечественной литературы: Некрасов, Тургенев, Гончаров, Герцен. В «Москвитяине» конца 40-х–начала 50-х гг. печатает свои физиологии писатель демократических взглядов (при некоторых уступках славянофилам) И.Т.Кокорев, которому принадлежит одно из наиболее удачных определений этого жанра¹. Десятилетие 60–70 гг. обогатило отечественную изящную словесность очерковыми произведениями Помяловского, Слепцова, Левитова, Решетникова, но, прежде всего, Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского. В узкой области очерка из крестьянской жизни объединились по тематическому и мировоззренческому родству народнические писатели П.В.Засодимский, С.Каронин, Н.И.Наумов, Н.Н.Златовратский, А.И.Эртель, которые в творчестве своем руководствовались специфической идеологической программой, лишь в самом широком смысле корреспондировавшей с демократическими традициями русской натуральной школы. В 80-е гг. выдающиеся образцы очеркового жанра создает Короленко, немногим позже – М.Горький. Отдельного упоминания заслуживают шедевры жанра – сборники очерков «дяди Гиляя» – легендарного В.А.Гиляровского.

Изучение русского очерка, его истории, по мнению ведущего исследователя этого направ-

ления отечественной литературы А.Г.Цейтлина², следует начинать с 70-х гг. XVIII в., когда сатирические журналы «Трутень» и «Живописец» Новикова, «Сатирический вестник» Стрехова и ряд других в массовом порядке печатали образчики такого жанра. Опыт раннего русского очерка пригодился очеркистам первой трети XIX в. Батюшкову, Н.Полевому, Вл.Ф.Одоевскому.

Следует признать, что очерк XVIII в. по методу своему не являлся реалистическим, скорее – нравоучительным. Очеркисты выступали не столько «исследователями» общества, сколько его «исправителями». Изображая предосудительное, по их мнению, явление (придворного угодника, светскую модницу и т.п.) они еще не могли указать на общественные закономерности предмета своего изображения. Они видели свою главную цель в противопоставлении «злому» «доброму», т.е. в моралистической критике. Отсюда – доминирующий схематизм и бросающееся в глаза тематическое однообразие русского очерка этого периода. С начала XIX столетия сатирический очерк все более уступает место очерку бытовому, нравоописательному. Очеркист перестает поучать, он все чаще изображает колоритные нравы определенной социальной и географической среды.

Интересным для нас в плане предпринятого анализа является бытовой очерк К.Н.Батюшкова «Прогулка по Москве» (1811) – блестяще выполненная зарисовка уличной жизни древней русской столицы. Особенно колоритно выписан автором Тверской бульвар – уже в те времена городской центр, сосредоточие разно-

образных интересов москвичей. В «прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские» сюда стекаются толпы праздных москвичей. Автор с доброй иронией сообщает, что «Хороший тон, мода требуют пожертвований: и франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица!». Галерею живописных литературных портретов дополняют провинциальный щеголь, университетский профессор «в епанче, которая бы могла сделать честь покойному Кратесу», записной стихотворец, надеющийся получить за чтение эпиграммы похвалу или приглашение на обед, и «шалун», который напевает водевили и травит прохожих своим пуделем³.

Характерна следующая зарисовка Москвы. «Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнуренное нуждами, голодом и стужей – дети полунагие, мать за пряслицей, отец, старый заслуженный офицер, в изорванном майорском камзоле, починает старые башмаки и ветхий плащ, чтобы по утру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба...». Картинка, вызывающая в памяти куда как более известные массовому читателю произведения революционных демократов поздней поры, в частности – Н. Некрасова. Однако, далее констатации этого вопиющего неблагополучия и несправедливости (описываемый отец семейства – «заслуженный офицер», майор, если судить по изорванному камзолу) К.Н. Батюшков не идет. Вот Москва, большой город, жилище роскоши и нищеты⁴. Констатирован факт, взята на заметку характерная ситуация, нетрудно понять даже авторское отношение к предмету изображения, но ничего, что касалось бы *причин и следствий*, мы не найдем в пространном тексте очерка. *Социальный анализ* – до него еще годы и годы упорной кропотливой работы сонма бытописателей. И все же первые необходимые *шаги познания* по этому пути уже сделаны. «Автор «Прогулки по Москве» уже сбросил с себя докучливые вериги сатирического очерка: далекий от мысли «поучать», он стремится «замечать физиономию», наблюдать жизнь Москвы во всей пестроте ее повседневных обычаев»⁵. (Несколько предваряя сравнительный анализ физиологического очерка и социологического исследования, отметим в скобках, что наблюдение жизни без попыток ее дидактического осмысления, другими словами, *сбор объективной информации* является неременной, исходной стадией любого социологического исследования).

Предпочитая реальное «сущее» морализаторскому «должному», Батюшков и писатели

его направления существенно приближаются к изображению «физиологии» в том смысле этого термина, которое он приобретет позже, в 40-е гг., став, по сути, синонимом «социальному» в современном толковании этого понятия. «Прогулка по Москве» еще не содержит ни истории (развитого сюжета), ни географии места действия, ни пояснений, из которых читателю стало бы ясно, почему именно это место – Тверской бульвар сделалась центром московских гуляний. У писателя еще нет интереса к *социальной проблематике* изображаемого им бытового явления.

Нет его и у Рылеева («Провинциал в Петербурге», 1821), Владимира Одоевского («Сборы на бал», «Невеста», «Первый выезд на бал», «Женские слезы» и др.).

Впрочем, Одоевский отдельно интересен нам своим почти, что маниакальным стремлением запечатлеть посредством очеркового описания символический срез городского дома. Соавторство в реализации этого, выражаясь современным языком, «проекта», названного им «Тройчатка» – по трем объектам изображения: гостиная, чердак, погреб – он предлагал даже А.С. Пушкину⁶. Получив от него отказ, переключился с проектом уже «Двойчатки» на Н.В. Гоголя, но и с ним не преуспел. Обе части «Двойчатки» впоследствии были опубликованы отдельно. Гоголь под псевдонимом «Рудый Панек» написал «Портрет», действие которого происходит на чердаке, в убогой мансарде художника Черткова. Одоевский – «Гомозейко» живописал быт обитателей светской гостиной княжны Мими в одноименном очерке «Княжна Мими». Так, с купюрами от первоначального плана, все же был воссоздан быт «гостиной» и «чердака», и тем самым, пусть и в усеченном виде, реализован на русской почве замысел предшественника, француза Жюль Жанена, призывавшего коллег изобразить большой столичный дом⁷.

Ни опыт русского сатирического очерка XVIII в., ни обретения бытового очерка первой половины XIX в. в процессе развития отечественной литературы не пропали втуне. Сошлемся лишь на один пример – роман «Семейство Хомских» Д.Н. Бегичева, вышедший в свет 1832 г. с характерным подзаголовком «Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». (Опять, воспользовавшись скобками, укажем на поразительную «социологичность» подзаголовка нравоописательного текста. Претерпев небольшую стилистическую правку и замену объекта изучения – «дворян» на более соответствующий нашему времени, он вполне мог бы стать названием темы современного социологического исследования).

Бегичев, равно как Калашников, Степанов, Погодин и другие литераторы этого направления, занимают в истории развития отечественного очерка промежуточную позицию между *бытовым* и *физиологическим* методом отражения реальности. Несмотря на то, что, как за всех выразился Бегичев, они представляют читателю в своих текстах «не идеальное, а существенное, т.е., что мы видим беспрестанно, что у нас перед глазами»⁸, писатели эти не являются «физиологами» в том смысле, в котором этот термин приложим к очеркистам 40-х гг. Последние в значительной мере усовершенствовали творческий метод «бытописателей», придали ему большую концентрированность в стилистике изложения события, объекта описания, ввели социально-бытовые характеристики изображаемых объектов и персонажей.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ «ФИЗИОЛОГИИ»

Первым писателем, которого без существенных оговорок можно отнести к очеркистам физиологического направления, стал Н.А.Полевой. Он в большей мере, чем кто-либо из современных ему отечественных литераторов, опирается на достижения сформировавшейся традиции французских «физиологий». Достоверно известно, что он читал альманах «Le diable boiteux, ou le live de 101» вышедший в 1831 г. в Париже. В издаваемых им журналах опубликованы переводы статьи Жанена об «уличной промышленности» Парижа («Московский телеграф») и ссылка на эту статью («Новый живописец»). Свою задачу литератора Полевой видел в том, чтобы «показывать пороку и глупости простое зеркало, в котором видели бы они уродливые свои хари»⁹.

Подобно высоко чтимому им Галлю, Н.Полевой стремится «судить о человеке по черепу», т.е. о целом, по его значимой детали. Подробно и всесторонне изучает с этой целью метафорический «череп» Парижа – его «мелкую промышленность», живописует при этом специфику парижских улиц, экзотических профессий парижского дна и промыслов полууголовных личностей.

Столь же остроумно и увлекательно Полевой изобразил в аналогичном ракурсе современную ему Москву. В очерке «Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские» он одним из первых предлагает читателю в зачине текста **данные московской статистики**¹⁰, после чего приглашает его на прогулку по центру московской торговой жизни: Китай город, Воскресенские ворота с облюбовавшими это место «ходателями», охотнорядские и ряд других рынков. Он вводит читателя в московские дома, дает меткие характеристи-

ки учителям, представителям других профессий, живописует натюрморт изысканных яств на званном обеде. В его изложении новыми изобразительными возможностями обогащается язык. Полевой искусно оперирует технической терминологией, широко использует арго и жаргоны московских улиц.

Вообще же «физиологии» – бытовые правописательные очерки возникли и получили распространение во Франции и Англии в 1820–1840 гг. Само понятие «физиологии» в литературе ввел франц. писатель и юрист Б.Саварен, издавший книгу «Физиология вкуса» (1826). Большую популярность приобрело девятитомное издание П.Л.Крюмера «Французы в их собственном изображении», в котором приняли участие О.Бальзак, А.Дюма, Ж.Жанен и другие популярные французские писатели того времени.

Как это часто случалось в пристально следившей за европейской литературной жизнью России, практически одновременно с французским изданием П.Крюмера в Санкт Петербурге выходит альманах А.П.Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» (1840–1842). Альманах этот, как принято считать, и положил начало *русскому физиологическому очерку*, испытавшему воздействие французской литературной традиции. За короткий отрезок времени один за другим выходят сборники «Очерки московской жизни» П.Вистенгофа (1842), «Лицевая сторона, или Изнанка рода человеческого» Ф.В.Булгарина (1842), альманахи Н.А.Некрасова «Физиология Петербурга» (1845), «Петербургский сборник» (1846), «1-е апреля» (1846).

Вместе с тем неверно было бы предполагать исключительную вторичность, подражательность русского физиологического очерка по отношению к европейскому аналогу. У русского феномена явственно просматриваются и сугубо отечественные корни. Первые русские назидательно-правописательные *этнографические* очерки, предвосхитившие физиологические, были написаны еще в первой половине XIX в. К.Н.Батюшковым: «Прогулка по Москве» (1811–1812), В.Ф.Одоевским: «Сборы на бал», «Женские слезы», «Невеста» (1820-е гг.), Н.А.Полевым: «Новый живописец общества и литературы» (1832)¹¹.

Поэтому правильнее было бы говорить о **двуедином генезисе** русского физиологического очерка, который составляют доморожденная литературная линия, исполненная отечественными писателями, а также европейское (в основном французское) заимствование.

Физиологический очерк, в отличие от более «вольных» разновидностей этого жанра, строится не просто на точном («дагерротипном») воспроизведении фактов, но и имеет четкие структурные черты, отличающие его от иных

форм литературно-публицистического письма. К важнейшим из них относятся:

- отсутствие сюжета в традиционном понимании термина;
- принцип локализации действия;
- подача статистически точных сведений об описываемых местности, времени, людях;
- отношение к воспитанию, образованию, жизненным условиям героев как к основным их характеристикам;
- повышенное внимание к характеристике социальных типов и среды;
- изображение жизни в социальном «разрезе»;
- четкая тенденция к типизации изображаемого явления, стремление создать образы-типы.

Стремление создать образы-типы Некрасов определял как характерную черту «литературной физиологии», как «историю внутренней нашей жизни».

К «физиологиям» тяготели и русские писатели, так сказать, «первого ряда»: Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, чей вектор устремленности к этому жанру был прямо противоположного свойства, нежели у отмеченных выше авторов. Если «чистые» очеркисты пришли к физиологическому очерку от романтической сатиры, то русские литературные классики, уже в те времена ощущавшиеся читающей публикой таковыми, как бы совершали шаг в сторону и в чем-то даже назад, отступая от более высокого уровня литературного развития – реализма, основоположниками которого в отечественной изящной словесности справедливо считались. К тому же, для них, в отличие от современных им очеркистов типа Н. Полевого, этот жанр не являлся основным, и уж тем более – исчерпывающим. Вряд ли отыщется в их творчестве существенное количество произведений, которые целиком можно было бы отнести к интересующему нас жанру. Чаще всего *приметы, фрагменты* «физиологического подхода» органически встроены в их прозаические тексты, создавая столь необходимые повествованию картины, зарисовки бытования и нравов литературных героев. И даже эти вкрапления, фрагменты, казалось бы, вспомогательные элементы общей прозаической конструкции были высоко оценены уже В. Белинским. «Неистовый Виссарион» прямо указывал на большое значение их «физиологических» фрагментов во всестороннем и правильном понимании условий жизни России. «Кто лучше может познакомить читателей с особенностями характера Русских и Малороссиян, если не Гоголь? ...Хотите изучить Москву, не в ее временных или случайных чертах, а в ее духе? – читайте «Горе от ума». В «Мертвых душах» вы узнаете русскую провинцию, как не узнать бы вам ее, прожив в ней безвыездно пятьдесят лет

сряду. В «Онегине» вы изучите русское общество в одном из моментов его развития; в «Герое нашего времени» вы увидите то же самое общество, но уже в новом виде»¹².

Из перечисленных нами литераторов «первого ряда» наиболее тесно был связан с нарождавшейся у нас физиологической литературой Гоголь. В его творчестве приобретает огромное значение тема большого города – одна из важнейших тем русской «физиологии». Гоголь всесторонне описывает топографию Петербурга, исключительное внимание уделяет его демографической характеристике. В «Петербургских записках» (1836), несмотря на совершенно определенное название статьи, существенное место отведено... характеристикам Москвы, сравнительному анализу ее и Петербурга. Многие из характеристик, данные обоим русским столицам Гоголем, стали впоследствии общеупотребительными, послужили другим литераторам для развития или полемического отрицания. Что же касается повести Гоголя «Невский проспект», то, по мнению ряда исследователей, ее вполне можно трактовать как цикл физиологических очерков, связанных в единое целое петербургской топографией. «Невский проспект» есть цикл физиологических очерков Петербурга, где даны функция главной столичной артерии, социальные портреты офицера, художника, жанровые этюды публичного дома и слесарной мастерской...»¹³.

К физиологической традиции, впрочем, примыкает не один только «Невский проспект». Весь цикл «петербургских повестей» буквально «заряжен» физиологизмом. Это нашло выражение в авторских характеристиках майора Ковалева в «Носе», значительного лица в «Шинели», одного из петербургских районов – Коломны.

Разнообразные «физиологизмы» встречаются и в «Мертвых душах». Вдумчивого читателя и исследователя не собьет с толку определение жанра «Мертвых душ» как поэмы, данное самим Гоголем. Текст этой условной «поэмы», наряду с действительно поэтическими отступлениями от сюжетной линии, малочисленными и потому общеизвестными (птицатройка, например), в значительной мере состоит все же из элементов *монографического письма*, присущего, скорее всего, *научному изображению общественной среды*, по воле автора столь переменчивой и разнохарактерной.

Как справедливо отметил исследователь, А.С. Пушкин «не только никогда не писал физиологических очерков, но и не помышлял о работе над этим жанром, внутренне чуждым его поэтике»¹⁴. Вместе с тем объективно его прозаические произведения оказали существенное влияние на формирование русского физиологического очерка, прежде всего, в области

развития и совершенствования техники литературного реалистического портрета, что можно предметно наблюдать в зачинных абзацах пушкинской новеллы «Станционный смотритель». В них А.С.Пушкин создает так называемый «профессиональный портрет» станционного смотрителя, доведя его до типизации, характеризующей весь этот служивый слой российского чиновничества низового уровня.

Позже, 10–15 лет спустя, наличие характерного портрета героя станет необходимым условием произведений реалистической прозы. Наследует «профессиональный портрет» и физиологический очерк, для которого, в отличие от интродуктивной функции пушкинской сюжетной прозы он в системе дискриптивной прозы очеркового типа явится самостоятельной функцией описания-повествования, характеризующей особенностью, эмблематическим элементом описываемого явления и героя.

В развитие нашей темы, остановимся на творчестве еще одного классика русской литературы, кого подавляющее большинство даже посвященных читателей вряд ли готово хоть каким-то образом присоединить к числу «очарованных литературным физиологизмом» авторов. На деле же он, хоть и один раз, но напрямую, а не косвенно, как это делали большинство отечественных классиков, обратился к физиологическому очерку. Речь идет о М.Ю.Лермонтове, о его очерке «Кавказец».

Опубликован он лишь в 1929 г. в журнале «Минувшие дни» по копии из архива Н.А.Долгорукова. Как удалось установить советским литературоведам, «очерк “Кавказец” был написан Лермонтовым в 1841 г. для издания А.П.Башуцкого “Наши, списанные с натуры русскими”. В вышедшем первом выпуске очерков среди вещей, предназначенных для следующего выпуска, упомянут и этот очерк Лермонтова. Второй выпуск, а вместе с ним и очерк Лермонтова, не появился, очевидно, по цензурным причинам»¹⁵.

Сравнивая очерковый образ «кавказца» с образом Максима Максимовича из художественного текста «Герой нашего времени», без труда устанавливаешь их типологическое родство. Оба имеют один и тот же чин и почти все время проводят «на линии», в персонажах этих множество совпадений в деталях портрета, привычках, в образе действия и строе мыслей. Отсюда верный вывод: «кавказец», как сказали бы сейчас, – лабораторный этюд, подготовительный материал для более разработанного, психологически и эмоционально детерминированного Максима Максимовича. Но и одновременно – самостоятельное действующее лицо, в задачу которого входит не очаровать читателя благородством своих поступков и устремлений, а наиболее полно *проинформиро-*

вать о себе, своих товарищах по пехотному полку, о своем деле – кровавых буднях бесконечно тянущейся кавказской войны.

Рассказывая о «кавказце», Лермонтов не стремится к созданию привлекательного художественного персонажа, он сознательно ограничивает свою задачу созданием типологического образа типичного русского офицера среднего сословия в типичных обстоятельствах войны. К результату авторских усилий вполне возможно приложить определение *дегероизация*; в том понимании понятия, какое было впервые предложено Л.Н.Толстым в образе капитана Трушина, скромного до застенчивости работника огромной войны. Впрочем, тут Лермонтов идет значительно дальше своего великого предшественника. Если Трушин при всей его внешней невзрачности по-своему обаятелен, чист в помыслах и высоконравственен в отношениях с миром и людьми, то лермонтовский «кавказец» не просто пронырлив, склонен к позерству, но и готов ради выгоды преступить сам нравственный закон. «...Ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову за камень, а ноги выставляет *на пенсию*; это выражение там освещено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив»¹⁶. Появись лермонтовский очерк в свет в 1842 г., конечно, сильно способствовал бы быстрому формированию техники русской «физиологии».

***

Даже такой беглый обзор темы красноречиво свидетельствует о том, что в русской литературе очерк буквально со времени своего зарождения являлся распространенным, а у ряда персоналий даже предпочтительным жанром. Он во все времена привлекал творческое внимание большинства профессионалов жанра и видных литераторов «первого ряда». Благородной целью его являлось всестороннее познание русской действительности, прежде всего, через призму жизни широких слоев простого народа.

Как мы отмечали выше, общий кризис западноевропейского реализма, который развился после трагического поражения революции 1848 г., оказал негативное влияние на западноевропейский – прежде всего французский и отчасти английский – реалистический очерк, который достаточно скоро утратил свое былое значение.

Судьба русского очерка оказалась более оптимистической. Появившись вслед за Западной Европой, он не пережил ни кризиса роста, ни упадка. Его путь от Пушкина до наших дней по большому счету омрачался лишь периодами избыточного государственного регулирования литературного процесса, когда характерная и необходимая для реализма крити-

ческая компонента была на тот или иной период подавлена цензурой, а господствующая в государстве идеология стремилась посредством кнута и пряника принудить очеркиста к аполитическому служению власти.

Физиологический очерк зафиксировал отказ от романтических сюжетов и приемов расширения романтических образов. Для него характерны внимание к деталям, интерес к курьезным объявлениям и надписям, преобладание изображения реальности над художественным вымыслом. Его целью становится не столько повествование о событиях, сколько *характеристика определенного общественного явления*, создание на этой основе «национальных типов» русской жизни. Вспомним, что и социология на начальном этапе ее становления была ориентирована на аналогичные задачи. Предпринимались попытки создания общих теоретических систем, в которых «немедленно найдет свое заранее отведенное место всякое наблюдение относительно любого аспекта социального поведения, организации или изменения»¹⁷.

С одной стороны, это было обусловлено самим интеллектуальным контекстом XIX в., когда фундаментальные философские системы распространили свое влияние на все области социального знания, с другой – стремлением социологов ответить на требования, предъявленные к ним широкой общественностью, невзирая на уровень развития дисциплины.

Один из основоположников научной социологии Р.Мертон полагал, что социология в настоящее время еще не готова к формулиро-

ванию всеобъемлющей теории, включающей в себя все наблюдаемые аспекты социального поведения и способной ориентировать исследователей на занятие социально значимыми проблемами. Вместо этого он предлагал сконцентрировать внимание на «теориях среднего уровня», являющихся «промежуточными между простыми рабочими гипотезами, в изобилии возникающими в процессе ежедневных рутинных исследований, и всеобъемлющими спекуляциями, включающими основную концептуальную схему, из которой должно выводиться большое число эмпирических наблюдаемых закономерностей социального поведения»¹⁸.

Схожесть целей и задач физиологического очерка и нарождающейся науки – социологии почти что буквальная. Ведь что такое «всякое наблюдение относительно любого аспекта социального поведения, организации и изменения», как не сам по себе реализованный физиологический очерк, которому по замыслу первых социологов и предстояло «немедленно найти свое заранее отведенное место» в системе координат новой науки?!

Из сказанного следует вывод, что **русский физиологический очерк середины XIX в., развиваясь практически одновременно со схожим европейским социально-литературным явлением, исповедовал те же идеи, опирался на аналогичную методiku отражения действительности, которые взяли на вооружение первые социологические исследования, проведенные в Европе, Америке, а затем и в нашей стране на рубеже XIX–XX вв.**

¹ «Очерки мои отчасти сродни тем литературным блесткам, что зовутся за морем физиологиями, – и поэтому осмеливаюсь представить на твое (читатель) благоразумие несколько отдельных штрихов, тем более что они могут показать истинную точку, с которой надобно смотреть на целое». *Кокорев И.Т.* Москва 40-х годов XIX в. М., 1959. С.126.

² *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965.

³ Читателя, желающего сравнить, чем схожи и разнятся описания Тверского бульвара и его случайных посетителей и завсегдатаев у К.Н.Батюшкова и одного из самых ярких прозаиков современной России С.Н.Есина, сравнить, и тем самым еще раз удостовериться в преемственности литературных традиций и неизбежных новаций, связанных, в первую очередь, с изменением социальной компоненты описываемого пространства, отсылаю к недавно вышедшему в свет роману «Твербуль» // *Есин С.Н.* Твербуль // «Юность». 2007, №4–6.

⁴ *Батюшков К.Н.* Сочинения. М., 1955. С.312.

⁵ *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965. С.7.

⁶ «Переписка Пушкина». СПб., 1906. Т. III. С.47.

⁷ *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма, Л., 1929. С.161.

⁸ *Бегичев Д.Н.* Семейство Холмских. М., 1832. Ч. 1. Вместо предисловия. С.11.

⁹ Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым. М., 1832. Ч. 3. С.24.

¹⁰ На наш взгляд, уместно в контексте данного исследования особо обратить внимание читателя на характеристическую для Н.Полевого работу «Русская Вивлиолика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы», которая впервые вышла в свет в 1834 г. В Пояснительном замечании издателя Вивлиоики автор, точнее – составитель так объяснил свое решение принять такое издание. «Цель сего издания: сохранить от гибели древние и старинные письменные памятники, касающиеся русской истории, географии, статистики, археологии и литературы; доставлять любителям русской истории и старины средства печатать и делать известными современникам и потомству хранящиеся у различных особ в разных местах памятники, могущие погибнуть и потеряться. Скажу одно: совершенное бескорыстие руководствовало мною в сем предприятии; безденежно предполагал я рассылать подписчикам Телеграфа Вивлионику, и продажей остальных экземпляров выручать только издержки на бумагу и печата-

ние оной... для историка все любопытно, а для любящего свое отечество все драгоценно». *Полевой Н.*, Русская Вивлиоика, М., 1834. Т. 1. С.408–413.

¹¹ Подробнее см. *Кулешов В.И.* *Натуральная школа в русской литературе XIX в.* М., 1982.

Мани Ю.В. *Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма.* М., 1969;

Цейтлин А.Г. *Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк).* М., 1965; *Якимович Т.* *Французский реалистический очерк 1830–1848 гг.* М., 1963.

¹² *Белинский В.Г.* Вступительная статья в книге «Физиология Петербурга», составленная из трудов русских литераторов». СПб., 1845. Ч. 1. С.13.

¹³ *Гроссман Л.П.* *Гоголь-урбанист // Гоголь В.Н. Повести.* М., 1935. С.33.

¹⁴ *Цейтлин А.Г.* *Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк).* М., 1965. С.14.

¹⁵ *Лермонтов М.Ю.* *Полное собр. соч. в пяти томах. Редакция текста и комментарии Б.М.Эйхенбаума.* М.-Л., 1937. Т. V. С.491.

¹⁶ *Лермонтов М.Ю.* *Полное собр. соч. в пяти томах.* М.-Л., 1937. Т. V. С.324.

¹⁷ *Merton R.K.* *On Theoretical Sociology.* New York, 1967. P.140.

¹⁸ *Merton R.K.* *Op. cit.* P.45.